

РЕЧЕВАЯ АГРЕССИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА ПРИМЕРЕ ТЕСТОВ СММ, СОДЕРЖАЩИХ СВЕДЕНИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА)

М.Н. Черкасова

*Ростовский
государственный
университет
пути сообщения*

*e-mail:
cherkasovamn-
rostov@rambler.ru*

Анализ высказываний с точки зрения наличия террористической угрозы и призывов экстремистского характера в современном информационном пространстве приобретает все большее значение. С точки зрения лингвиста-эксперта необходимо разграничивать термин «экстремизм» и смежные с ним понятия, как и «призыв» и «побуждение». В результате лингвоюридической интерпретации текста происходит конфликт конфликтов: с одной стороны – описание конфликта на межнациональной или религиозной почве; а с другой – возможен конфликт самих лингвистических экспертиз.

Ключевые слова: язык вражды, язык ненависти, речевая агрессия, призыв, побуждение, лингвоюридическая интерпретация текста, конфликт конфликтов.

«Язык вражды», «речь ненависти» (hate speech в англоязычных странах), «речевая агрессия», «вербальная агрессия» – термины, составляющие понятийный аппарат исследований, посвященных проблемам, находящимся на стыке лингвистики, психологии, социологии, журналистики, юриспруденции, педагогики, культурологии, конфликтологии, имиджологии и т.д. (Аносова С.В., Берковиц Л., Бельчиков Ю.М., Власова Е.В., Воронцова Т.А. Галяшина Е.И., Горбаневский М.В., Голев Н.Д., Демидов О.В., Дзялошинский И., Дмитренко Г.В., Енина Л., Клушина Н.И., Кусов Г.В., Лазебная И.Б., Малькова В.К., Муравьева Н.И., Осадчий М.А., Пантелеев Б.Н., Позолотин А.Ю. Ратинов А.Р., Седов К.Ф., Сурикова Т.И., Третьякова В.С., Щербинина Ю.В., Vandura A., Tedeschi J.T., Strossen N., C.Edwin Baker и др.)

Работы, которые ведутся в этом направлении, объединяет текст с «потенциально опасными речевыми конструкциями» или составляющими языка вражды, речевыми формами агрессии, конфликтогенными единицами и т.д. Вербальные формы агрессии становятся предметом рассмотрения лингвистической экспертизы. Заслуженный юрист РФ Г.М. Резник в предисловии к книге А.Н. Баранова пишет, что «на «лингвистическую иглу» под село уголовное правосудие. Сейчас, пожалуй, нет ни одного дела о криминализованных словах – клевете, оскорблении, возбуждении национальной или религиозной вражды, призывах к экстремистской деятельности, – по которым не назначалась бы лингвистическая экспертиза» [2, 4].

При рассмотрении спорного текста в рамках предлагаемого исследования возникают такие проблемы: 1) с одной стороны, конфликт в контексте самого текста (герой/герои – автор, редакция; автор – читатель/читатели), то, что происходит при описании конфликта на межнациональной или религиозной почве или при опубликовании интервью; 2) конфликт самих лингвистических экспертиз (различные специалисты по-разному оценивают предложенный для анализа текст). При этом происходит конфликт конфликтов или полярная интерпретация текста.

При лингвистическом анализе печатных текстов с точки зрения наличия террористической угрозы и сведений экстремистского характера с точки зрения институционального дискурса проблема заключается, прежде всего, в «размытости» значений таких слов, как «терроризм», «экстремизм» именно средствами массовой информации, главная функция которых – воздействие на читателя. Основной компонент значения слова «терроризм» (политика устрашения, подавления политических противников насильственным путем, вплоть до физического уничтожения [13, 409] дает жизнь метафоре «чрезмерная жестокость, запугивание, преследование кого-л.» [там же]. В современных медиа-текстах «боевики», «экстремисты» и «террористы» становятся синонимами. В статье «Аль-Каида охотилась за Хилари в Найроби» (Известия, 08.09.09) встречены такие слова, словосочетания и фразы, как «экстремисты из Сомали», «боевики, действующей в Сомали исламистской группировки «Аль-Шабааб, связанной с «Аль-Каидой», «террористы-смертники»,

«экстремисты пытались обстрелять израильский авиалайнер», называющие членов террористической организации.

Смешение этих понятий отмечается не только в текстах, направленных на массового читателя. А.В. Павлинов после проведения сравнительного анализа федеральных законов «О противодействии терроризму» и «О противодействии экстремистской деятельности» говорит о сближении «определений «терроризм» и «экстремизм» за счет расширения объемного содержания терроризма» [7, 40], но не об идентичности этих правовых категорий. Трудности в разграничении и терминологии этих понятий влекут за собой и проблему анализа действий, классифицирующихся как экстремистская деятельность или терроризм в соответствии с федеральными законами. Часто общекультурное значение (крайне жестокий человек) слов «террорист», «экстремист» мешает лингвисту-эксперту.

Происходит конфликт интерпретаций самих конфликтогенных текстов в рамках лингвистической экспертизы. Широкий резонанс вызвала лингвистическая экспертиза по делу об избиении подростками в Санкт-Петербурге девятиклассника Тагира Керимова не только в прессе, но и среди самих лингвистов-экспертов. В частности, Е. Галяшина, член правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным информационным спорам, выступила с требованием провести повторное исследование (См. подробнее «Российская газета», 01.09.09). Предметом спора стали фразы «крысам-крысячья смерть», «Россия для русских», призывы «Убивай хача, мочи хача!», «Бей хача!», «Бей чурбанов!» «Бей черных!» в отношении представителей этнокультурной группы народов Кавказа (См. подробнее «Комсомольская правда», 29.08.09), в которых эксперт не увидела экстремистского содержания и, соответственно, пришла к выводу, что действия нападавших «не носили ксенофобского характера».

Представленный выше материал – побудительные предложения. А.Н. Баранов предлагает дифференцировать призывы и побуждения, т.к. по мнению А.Н. Баранова, «важным признаком классических призывов следует считать их включенность в политическую коммуникацию – распространение через СМИ, произнесение политическими субъектами или их представителями на митингах, собраниях и других общественных мероприятиях» [2, 434]. О включенности той или иной фразы в политический контекст, в информационное пространство пишет и Е.Е. Пронина, которая считает, что «терминология своей жестокостью и откровенностью соответствует медиастратегиям и технологиям» [9].

В этой связи необходимо разграничивать принципиально важные явления, номинируемые как «призыв» и «побуждение», т.к. согласно Федеральному закону «О противодействии экстремистской деятельности» [12] *призывы* к определенному виду деятельности (унижение национального достоинства, осуществление массовых беспорядков ... по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды и т.д.) расцениваются как уголовно наказуемое деяние, а побуждения не рассматриваются в рамках Уголовного Кодекса РФ. А.Н. Баранов также подчеркивает тот факт, что понятие «призыв» недостаточно четко представлено в литературе по лингвистической семантике, что во многом затрудняет диагностирование этого и смежных с ним явлений по причине передачи различных коммуникативных намерений [2, 412].

Словарь З.Е. Александровой [1, 415] в качестве синонимов к слову «призыв» приводит такие единицы, как «зов», «лозунг», «мобилизация», «воззвание», а единица «побуждение» имеет синонимы «импульс», «толчок», «стимул». Налицо различное семантическое наполнение, хотя и очень близкое. МАС разграничивает эти единицы русского языка (призыв и побуждение), на наш взгляд, как общее и частное: побуждение – желание или намерение сделать что-л., т.е. речь идет об обобщенном наименовании действия, а призыв, в большинстве случаев, имеет политическую окраску, такое сознание, как «выражение общего дела, стремление к достижению общей цели, к совместным целенаправленным действиям» (см. значение 3: «обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование» [10, 412]).

Действительно, интерпретация того или иного высказывания зависит от ситуации, контекста, прагматической направленности, интенции автора текста. Фраза «Режь русских свиней!» в Кондопоге послужила сигналом к массовой драке на национальной почве в Карелии (Известия, 22.07.08). На наш взгляд, призывы а) «Убивай хача, мочи хача!», «Бей хача!», «Бей чурбанов!» «Бей черных!» (инцидент с Тагиром Керимовым) и б) «Режь рус-

ских свиней!» (массовые беспорядки в Кондопоге) однозначно расцениваются как экстремистские, в отличие от таких фраз, как: «Вот кого надо вешать, так это банкиров!», «Да все они сволочи!» (Комсомольская правда, 26.02.09). Выражение же «крысам-крысячья смерть!» не может рассматриваться как призыв к экстремистской деятельности, хотя и носит ярко негативную оценку («крыса» – слово из лагерного жаргона, имеет яркую презрительную окраску: заключенный, обкрадывающий своих сокамерников [4, 369]).

Приведем пример нашей интерпретации текста из сети Интернет под общим названием «Караджич – герой сербского народа!», подписанный Александром Дугиным на предмет наличия высказываний, носящих характер публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности. Анализ проводился с учетом текстов законов «О противодействии экстремистской деятельности» и «О средствах массовой информации», методических и справочных материалов, научных работ по данной проблематике. Текст исследовался по схеме:

1) лексическое содержание (слова, выражения, содержащие семантический компонент, относящийся к тематическим группам «Экстремизм», «Национальная вражда», «Призыв к действиям»; 2) грамматическая характеристика (структура предложений; порядок слов; расположение строф, абзацев, синтаксических структур; анализ морфологических форм); 3) логико-композиционная характеристика (зачин, тезис, аргументация, концовка, выводы); 4) прагматическая направленность текста и виды коммуникативного воздействия на адресата: простое оповещение адресата о некотором положении дел (асертив), побуждение адресата к некоторым действиям (директив) или аналогичное побуждение самого говорящего (комиссив), выражение говорящим некоторых чувств по отношению к адресату (экспрессив) [8].

При интерпретации подобных текстов необходимы следующие пояснения, имеющие принципиальный характер:

1. *Экстремизм* (от лат. *Extremus* – крайний) – приверженность к крайним взглядам и мерам (преимущественно в политике) [6, 422]. В книге «Диагностика толерантности в средствах массовой информации» [3, 28] *экстремизм* трактуется как «форма проявления радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп» и подчёркивается, что причины экстремизма лежат в социальной дезориентации части граждан, их недостаточном образовании, кризисном состоянии общества, слабых институтах общественного контроля и неэффективной правовой системе. Экстремизм имеет внешние ресурсы и может быть формой внешних воздействий и вмешательств.

Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (2002 г.) (Статья 1. Основные понятия) экстремистскую деятельность (*экстремизм*) трактует как «деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на:

1) насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации; ... захват и присвоение властных полномочий, ... возбуждение ...социальной розни, связанной с насилием или призывами к насилию; ... унижение национального достоинства...3) публичные призывы к осуществлению указанной деятельности...

2. Так как анализировалась печатная продукция, то мы посчитали уместным привести выдержку из Закона РФ «О средствах массовой информации» (Ст. 4):

«Не допускается использование СМИ в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную, специально охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, насильственному изменению государственного строя и целостности государства, *разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни*, для пропаганды войны».

3. «Призыв – это речевой акт, обращенный к адресату с целью побудить его выполнить некоторые действия или совокупности действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, или побудить адресата учитывать в своем повседневном поведении эти идеалы, причем

говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями, а сам речевой акт рассматривается как часть общественно-политической коммуникации» [2, 420].

Текст под общим заглавием «Караджич-герой сербского народа!», включающий в себя несколько частей, имеющих следующие заглавия: «Подонки американцы объявляют преступниками национальных героев», «Портрет Караджича должен быть в доме каждого порядочного русского человека», «Россия должна выкрасть Караджича из тюрьмы», «Караджич – совесть славянского сопротивления новому мировому порядку», «Славянский фундаментализм – наш ответ на вызов западного сатаны» написан ярко и очень эмоционально, в нем использованы многочисленные риторические фигуры и тропы (метафоры, противопоставления и т.д.). Текст относится к публицистическому стилю, для него характерны экспрессия и стандарт, образ автора, авторская позиция и социальная оценочность. Все эти черты публицистического текста, которому присущ «политико-идеологический модус подачи материала» [5, 42] нашли воплощение в создании исследуемого текста. Трактовка анализируемого текста как публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности (см. пояснение 1 и 3) не может быть правомерной, т.к. наличие побудительных предложений (*Портрет Караджича должен быть в доме каждого порядочного русского человека; Россия должна выкрасть Караджича из тюрьмы; Пора объявить настоящую мировую войну американцам и их европейским пособникам, которые действуют, попирая все возможные человеческие ценности. Их нужно уничтожать повсюду, где мы их только увидим. Каждый порядочный человек должен хватать, похищать, прятать и уничтожать американцев, равно как и их пособников. Где бы они нам ни встретились. Я думаю, надо объявить крестовый поход против Запада как против еретической антихристианской цивилизации*) не создает призывную тональность текста по следующим причинам:

1) не ясен адресат, к которому обращен текст. Текст обращен ко всей России? К каждому порядочному человеку? Возникает вопрос: каковы критерии порядочного человека? Они в тексте не названы. Слишком общий адресат. Отсюда непонятен характер массовой деятельности и значимость ее в контексте политической культуры. Также из текста неясны средства достижения цели, как и сама цель;

2) о цели, которая высвечивается в побудительных предложениях. Объявить войну всем американцам? Т.е. основному населению США, «свыше 187,2 млн. человек (1987) в том числе 30 млн. негров и мулатов» [11, с.47] или каким-то определенным группам? Этого в тексте не названо. Общее название «американцы» не конкретизировано и не позволяет говорить о конкретной национальной группе;

3) из определения «ПРИЗЫВ» (см. примечание 3) следует, что «призыв – это ... совокупность действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности, ... причем говорящий и адресат являются политическими субъектами или их представителями.....». 3.1) Отсюда следует, что А. Дугин должен быть представителем какого-либо политически значимого объединения, а его оппоненты «американцы», «Запад», «европейские пособники» – представителями аналогичного объединения, но с противоположными взглядами. Но общие наименования «американцы», «Запад», «европейские пособники» не выступают в данном контексте как прямые номинации политических фигур, речь может быть лишь о намеке, иронии, о чем свидетельствует употребление достаточно громких имен собственных в самом тексте (Гаагский трибунал, Карла дель Понте). Но такие речевые тактики, как намек, ирония, с одной стороны, и призыв и унижение достоинства человека – различны, как и различна их лингвоюридическая трактовка; 3.2) Предложение «Каждый порядочный человек должен хватать, похищать, прятать и уничтожать американцев, равно как и их пособников.» не может быть квалифицировано как часть текста-призыва по той причине, что оно не является выражением действий, осмысляемых как важная часть общественно значимой деятельности (см. определение ПРИЗЫВ), т.к. употребление таких разнонаправленных глаголов, как «хватать, похищать, прятать, уничтожать» доказывают хаотичность мысли, спонтанность мышления и неопределенность действий, о которых говорит сам автор, т.к. он сам до конца не осмыслил, что же надо делать, кроме чрезвычайно эмоциональных лозунгов, не имеющих конкретного адресата, цели и направления. Бессмысленность этого предложения «Каждый

порядочный человек *должен хватать, похищать, прятать и уничтожать американцев, равно как и их пособников.*» также подтверждается и семантико-логическим анализом: 1) среди американцев и их пособников нет вообще порядочных людей? и судя по *всему тексту* (а не по фрагментарным частям) есть только две полярные категории: а) американцы, подонки американцы («свыше 187,2 млн. человек (1987) в том числе 30 млн. негров и мулатов» [11, 47] и б) порядочные люди, или национальные герои. Но это противоречит всей мировой истории; 2) лексикографический анализ слова «прятать» показал следующее: ПРЯТАТЬ – а) помещать в тайное место, укрытие, чтобы другие не могли найти, заметить; б) помещать, класть куда-л. для сохранности, предохранения от чего-л. [10, 552]. В связи с семантикой слова ПРЯТАТЬ, опять возникает вопрос: так что же надо делать с американцами и их пособниками – похищать, уничтожать или ПРЯТАТЬ, т.е. скрывать, предохранять от кого-л. или чего-л.? Это нелогичное предложение, в котором употреблены противоречащие суждения, не может быть отнесено к осмысленному тексту призыва.

Отметим также, что это предложение и входит в наиболее спорную, на первый взгляд, часть текста (весь первый абзац) с заглавием «Россия должна выкрасть Караджича из тюрьмы». Но сам этот абзац построен сумбурно, что мы охарактеризовали выше. Эта часть, как и текст в целом, носит очень личный характер, о чем свидетельствуют личные и притяжательные местоимения «я» и «мой», личные глаголы 1 лица единственного числа (я думаю, с моей точки зрения, Я имею честь, считаю и т.д.). Можно расценить этот спорный абзац как выражение личных чувств и переживаний, неподготовленных высказываний и не полностью осмысленных высказываний, о чем свидетельствует нарушение логической цепи рассуждения (см. причину 3), что характерно для разговорного стиля, основной особенностью которого является неподготовленность высказывания, а тексты-призывы не оформляются средствами разговорного стиля.

Отсутствие стройности в рассуждении доказывает и предложение в разделе «Подонки американцы объявляют преступниками национальных героев». 1) Сам громкий заголовок, в котором употреблено слово «подонки» по отношению к «американцам», конечно же, может быть оскорбительным и умаляющим честь и достоинство определенного человека или определенной нации, но, как мы уже говорили выше, само слово «американцы» употреблено в чрезвычайно широком и совершенно непонятном значении. 2) Предложение из этого раздела «Три взорванные в США башни (у нас почему-то говорят про две) складывались так, будто имела место промышленная ликвидация этих объектов» в рамках всего текста «Караджич – герой сербского народа!» может быть воспринято неоднозначно: 1) вставная конструкция (у нас почему-то говорят про две) направлена на дискредитацию кого? российских СМИ или американских политиков, террористов? Против кого направлено это предложение? Тогда возникает вопрос: против кого или за кого этот текст? Или автор просто хочет продемонстрировать свою осведомленность? Скорее всего, речь идет именно о спонтанной реакции на известие об аресте Радована Караджича, и А. Дугин выплескивает свои эмоции, насыщенные негативом по отношению к людям, совершившим это «зло»; 2) Но опять-таки, мы имеем дело с нелогичностью в рассуждениях самого А. Дугина, который говорит об американцах в крайне негативном тоне, но выражает крайнюю горечь по поводу теракта в Америке 11.09 2001 г., в результате которого погибли американцы.

Нелогичность рассуждения также прослеживается и в последнем разделе «Славянский фундаментализм – наш ответ на вызов западного сатаны». В первом абзаце присутствует предложение «Американцы сделали все, чтобы спровоцировать исламский мир на переход к фундаментализму в ответ на наглое наступление Запада на их национальные и религиозные ценности ислама». Из предложения совершенно непонятно, о чьих религиозных ценностях идет речь. Исходя из структуры предложения следует, что речь идет «о наступлении ЗАПАДА (ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ?) на ИХ (АМЕРИКАНСКИЕ!!!) национальные и религиозные ценности ислама. Таким образом, получается, что ислам – это национальная и религиозная ценность АМЕРИКИ? И Запад наступает на Америку. В последней части непонятно также: Америка отождествляется с Западом или Америка и Запад – это разные сущности.

Отдельные части текста могут быть расценены как яркий публицистический текст с политико-идеологической направленностью (заметим, что для политического дискурса вообще характерна конфронтация и конфликт, т.к. в этой сфере происходит борьба идей и мнений), и автор текста «Караджич – герой сербского народа!» пытался вписаться в эти рамки, но из-за чрезвычайной эмоциональности, личной причастности к происходящему, обилия риторических фигур отдельные фрагменты текста превращаются в нелогичный, стихийный речевой поток.

Выводы по заключению текста «Караджич – герой сербского народа!»:

1) Отдельные части текста носят ярко выраженную политико-идеологическую направленность, для которой характерен конфликт мнений и идей. В свою очередь, для политико-публицистического дискурса как раз и характерно столкновение позиций.

2) Текст «Караджич-герой сербского народа!» не может быть расценен как публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности, т.к.: а) не выделен адресат, который бы являлся политическим субъектом или представителем политического субъекта; б) сам текст не может быть рассмотрен как значимый в общественно-политической коммуникации, т.к. не ясна цель и способы осуществления деятельности, о которой говорится в тексте;

3) Противоречивые суждения в самом тексте не позволяют квалифицировать его как серьезное подготовленное заявление, призыв, руководство к действию. Хаотичность излагаемого материала может свидетельствовать о чрезвычайной эмоциональности и неподготовленности речи, что противоречит определению призыва: «действия, осмысляемые как важная часть общественно значимой деятельности, способствующей достижению некоторых идеалов, ...».

4) В тексте нет высказываний, направленных на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенное публично или с использованием средств массовой информации по той причине, что автор не конкретизировал понятие «американцы» (кого же А. Дугин понимает под «американцами»), а исходя из всего массива текста, совершенно не ясна адресность эмоциональных спонтанных высказываний автора.

Таким образом, исследования в этой области представляются нам перспективными и имеющими практическую, направленность, так как очень часто критерием экспертного заключения является субъективное восприятие информации экспертом. Необходимо помнить, что оцениваются не сами факты, приводимые в печатном тексте, а авторская интерпретация или авторская оценка этих фактов.

Список литературы

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. Под ред. Л.А. Чешко. М., 1971.
2. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. Пособие–М.: Флинта: Наука, 2007.
3. Диагностика толерантности в средствах массовой информации. Под ред. В.К.Мальковой М. 2002.
4. *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка – М.: Астрель: АСТ, 2005.
5. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста. М. МГУ. 2008.
6. Комлев Н.Г. Словарь иностранных слов. М. 1999.
7. Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук 12.00.08. Москва, 2008.
8. Памятка по вопросам назначения судебной лингвистической экспертизы: Для судей, следователей, дознавателей, прокуроров, экспертов, адвокатов и юрисконсульты: Под ред проф. М.В. Горбаневского. М. 2004.
9. Пронина Е.Е. Категории медиапсихологии. Проблемы медиапсихологии: Материалы секции «Медиапсихология» Международной научно-практической конференции «Журналистика в 2000 году: Реалии и прогнозы развития, Москва, МГУ, 2001. – Москва «РИП-холдинг», 2002. С. 145-157.

10. Словарь русского языка: в 4 –х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: РЯ, 1985-1988. Т.3. 1987.
11. Советский энциклопедический словарь. М. 1990.
12. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ, принят Государственной Думой 27 июня 2002 г.
13. Черкасова М.Н., Черкасова Л.Н. Современный словарь иностранных слов – Ростов н/Д: Феникс, 2009. – С. 469.

THE AGRESSION IN THE SPEAKING AS OBJECT OF LINGUISTIC EXPERTISE (ON EXAMPLE OF TEXTS WITH EXTREMIST CONTENT)

M. N. Chercasova

*Rostov
State
University
of Communications
(RGUPS)*

*e-mail:
chercasovamn-
rostov@rambler.ru*

The analysis of speech phrases from the standpoint of terrorism threat and extremism slogans in modern information area has great importance. It`s necessary to distinguish such terms as extremism and close phenomena (appeal, call, motive) from expert point of view. In the process of lingvojuridical interpretation of the text we can see the conflict of conflicts: on one hand it is the description of conflict on international or religious base, on the other hand it is the conflict of the expertises.

Key words: hate speech, verbal aggression, call, motive, lingvojuridical interpretation of the text, the conflict of conflicts.